

ная почтово-телеграфный чиновником 6 разряда высшего оклада в штат той же конторы по вольному найму съ 1 января.

Назначается и. д. начальника Вязовского почтового отделения немейской чина Николай Скоробогатов — и. д. начальника Вязовского же, преобразованного в почтово-телеграфное отделение съ 1 декабря 1904 г.

Увольняются от службы надсмотрщики писашего оклада: Боготолского почтово-телеграфного отделения немейской чина Евгений Першиггер, согласно прошению, съ 15 января в Томской телефонной съези, извѣщающей чина Максим Коробков съ 15 января, согласно прошения.

17 января 1906 г. № 5.

Определяются: бывший надсмотрщик высшего оклада немейской чина Дмитрий Кривошеин надсмотрщиком высшего оклада в штат Маринской почтово-телеграфной конторы и бывший почтово-телеграфный чиновник 5 разряда немейской чина Иван Сергеев и 6 разряда высшего оклада по вольному найму чина Николай Власов оба тѣм же вѣдомостям в штат Томской почтово-телеграфной конторы; бывший унтер-офицер Козьма Ивнев надсмотрщиком писашего оклада в штат Ташенской почтово-телеграфной конторы; сын канцелярского служителя Павел Русанов надсмотрщиком писашего оклада в штат Ново-Николаевской почтово-телеграфной конторы, сей литеро съ 16 января.

Назначаются: почтово-телеграфный чиновник 5 разряда Томской почтово-телеграфной конторы губернский секретарь Полуинин почтово-телеграфный чиновником 4 разряда в штат той же конторы; почтово-телеграфный чиновник высшего оклада Колынского почтово-телеграфного отделения немейской чина Петр Достовалов — почтово-телеграфный чиновником 5 разряда в штат Маринской почтово-телеграфной конторы, надсмотрщик писашего оклада Боготолского почтово-телеграфного отделения коллежский регистратор Хлюнин и немейской чина Григорий Даровский на высший оклад содержания, должности присвоенной, и почтово-телеграфный чиновник 6 разряда высшего оклада Боготолского почтово-телеграфного отделения немейской чина Филипп Никитин — надсмотрщиком писашего оклада в штат того же отделения, сей литеро съ 16 января.

Перемещаются: почтово-телеграфный чиновник 5 разряда Маринской почтово-телеграфной конторы губернский секретарь Новалевский — тѣм же вѣдомости в штат Томской почтово-телеграфной конторы; надсмотрщик писашего оклада Маринской почтово-телеграфной конторы немейской чина Василий Востанов — тѣм же вѣдомости в штат Боготолского почтово-телеграфного отделения и почтово-телеграфный чиновник 6 разряда высшего оклада Ново-Николаевской почтово-телеграфной конторы немейской чина Памелеев — Сметанин, согласно прошению, тѣм же вѣдомости в штат Вязовского почтово-телеграфного отделения; сей трое съ 16 января.

Постановление Г. Управляющего Акцизных Сборами Томской губ. и Семипалатинской области.

19 января 1906 г. № 2.

Старший штатный Контролер 1 акцизного округа Феодосий Деметев исключается из списков служащих в Управление акцизными сборами Томской губ. и Семипалатинской обл. за назначением его на службу в Вологодское Акцизное Управление.

Младший штатный Контролер 1 акцизного округа Петр Богомолов назначается старшим штатным Контролером того же округа.

Временно исполняющий должность надсмотрщика Губернской секретарь Евстафий Сергеев назначается младшим штатным Контролером 1 округа съ производством ему разрядных денег по 300 руб. в год; сей съ 21 января 1906 года.

О вызовѣ въ торгамъ

И. об. Судебного Пристава, Приставъ 3 стана Барнаульского уѣзда, Ивановъ сѣмъ объявляетъ, что, на удовлетвореніе претензій купца Адріана Ільича Винокурова въ сум-

мѣ 205 р. 31 к. съ %, по день уплаты, будетъ производиться въ с. Корниловскомъ, Кузнецкой ул., 20 февраля 1906 года въ 10 ч. утра публичная продажа имущества, принадлежащаго кр-ну Абраму Патову, заключающагося въ домѣ, заводы, лошади и проч. и обшлаго въ суммѣ 720 руб

—2

И. об. Судебного Пристава, Приставъ 3 стана Барнаульского уѣзда, Ивановъ сѣмъ объявляетъ, что, на удовлетвореніе претензій купца Адріана Ільича Винокурова въ суммѣ 271 р. 88 к. съ %, по день уплаты, будетъ производиться въ с. Яржи, Кузнецкой вол., 13 февраля 1906 года въ 10 ч. утра публичная продажа имущества, принадлежащаго кр-ну Леонтію Шапкаеву, заключающагося въ домѣ, заводы, лошади и проч. и обшлаго въ суммѣ 391 руб.

—2

И. об. Судебного Пристава, Приставъ 3 стана Барнаульского уѣзда Ивановъ сѣмъ объявляетъ, что, на удовлетвореніе претензій купца Шпрингера въ суммѣ 118 руб. съ %, по день уплаты, будетъ производиться въ с. Круткахъ, Бурлинской вол., 5 февраля 1906 года въ 10 ч. утра публичная продажа имущества, принадлежащаго Николаю Шахову, заключающагося въ сѣвномыслии машинѣ и обшлаго въ суммѣ 125 руб.

—2

Судебный Приставъ Тобольскаго Окружнаго Суда по городу Тобольску И. К. Станевичъ, сѣмъ объявляетъ, что, на удовлетвореніе претензій Тобольской купчихи Феликаты Васильевны Корниловой, въ суммѣ 1430 руб. съ %, и поддержки въ количествѣ 121 руб. 43 коп., 20 февраля 1906 года, въ 10 часовъ утра, въ залѣ заседаній Тобольскаго Окружнаго Суда будетъ производиться публичная продажа недвижимаго имѣнія, принадлежащаго Тобольской же купчихѣ Екаторинѣ Константиновнѣ Пашниной, состоящаго въ 3 части гор. Тобольска, по Тузунской улицѣ, подлѣ № 734 и заключающагося въ двухэтажномъ полуземлемномъ домѣ, съ деревянными надворными строениями и мѣстѣ усадебной земли; мѣромъ по участку 23 саж., въ залѣхъ 16 1/2 саж., сирѣзъ 22 саж. и сѣвѣ 10 1/2 саж.

Имѣніе заложено въ Тобольскомъ Городскомъ Общественномъ Банкѣ въ суммѣ 1500 рублей и будетъ продаваться въ цѣломъ составѣ.

Торгъ начнется съ оценочной суммы въ 3000 рублей.

—3

И. об. Судебного Пристава Томскаго Окружнаго Суда Приставъ 4-го стана Томскаго уѣзда Загаринъ, жительствующій въ сѣдѣ Богородскомъ, на основаніи 1030 ст. уст. гражд. судопр., объявляетъ, что 11 февраля 1906 г. съ 10 час. утра въ деревнѣ Елизарьевой Николаевской волости, будетъ продаваться движимое имущество, принадлежащее крестьянину Ивану Васильеву Скопинцеву состоящее изъ лошадей, коровъ, овецъ, самовара, ружья и хматувъ и обшлаго для торговъ въ 184 руб.

—2

О торгахъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ.

Въ Томскомъ Губернскомъ Управленіи 24 февраля 1906 года имѣютъ быть торги, съ законенною чертой для переможца, на поставку въ бирюзовыя хребтовъзпасные магазины Нарынского края: Алловоиской 2000 пуд. ржаной муки и 100 пуд. соли и въ Васильевской и Максимовской по 100 пуд. соли въ каждый и 50 пуд. дробя въ Нарынской пороховой потребѣ, съ доставкою этихъ принадлеж. на мѣста точнѣе же по открытіи навигаціи въ 1906 году. Континг. относящійся до этой поставк. можно видѣть въ Губернскомъ Управленіи съ 10 часовъ утра до 3 часовъ дня по всѣмъ присутственнымъ дѣламъ.

—3

О считаніи недѣйствительнымъ утерянныхъ документовъ.

Томское Уѣздное Полицейское Управление проситъ считать недѣйствительнымъ утеряннымъ Нижегородской губерніи, уѣзда, Саконской волости, Вазовымъ Чухинскимъ.

СПИСОКЪ

лицъ, не явившихся къ исполненію воинской повинности въ 1905 году по Барнаульскому уѣзду.

Продолженіе.

Мочаловъ, Федоръ Матвѣевичъ, кр. Покровской волости.
Мезенцевъ, Степанъ Григорьевичъ, кр. Бородинской волости.
Муравьевъ, Алексѣй Осиповичъ, кр. Тальменской волости.
Малашинъ, Афанасій Степановичъ, кр. Тальменской волости.
Масаровъ, Иванъ Васильевичъ, кр. Чижевской волости.
Михайловъ, Алексѣй Васильевичъ, мѣщ. гор. Барнаула.
Митрофановъ, Константинъ Ивановичъ, мѣщ. гор. Барнаула.
Мишутинъ, Александръ Федотовичъ, мѣщ. гор. Барнаула.
Медведевъ, Ефимъ Емельяновичъ, кр. Бородинской волости.
Масимовъ, Михаилъ Кирилловичъ, кр. Михайловской волости.
Микотъ, Пимонъ Яковлевичъ, кр. Нижне-Чумской волости.
Машенковъ, Павелъ Александровичъ, кр. Прокоровской волости.
Мокшаровъ, Семенъ Ивановичъ, кр. Ярковской волости.
Мироновичъ, Прокопій Павловичъ, кр. Ярковской волости.
Морозовъ, Павелъ Леонтьевичъ, кр. Карасукской волости.
Мининъ, Алексѣй Федоровичъ, кр. Карасукской волости.
Мелещенко, Михаилъ Артемьевичъ, кр. Ярковской волости.
Мироновъ, Максимъ Федоровичъ, кр. Нижне-Чумской волости.
Медведевъ, Никита Сергѣевичъ, кр. Ярковской волости.
Милыничевъ, Григорій Федоровичъ, кр. Черно-Курынской волости.
Малогинъ, Иванъ Егоровичъ, кр. Яланской волости.
Меркурьевъ, Антоній Николаевичъ, сынъ священника.
Мельничковъ, Викторъ Николаевичъ, кр. Ординской волости.
Маковеевъ, Никита Саввиновичъ, кр. Ординской волости.
Милыковъ, Григорій Трофимовичъ, кр. Бурлинской волости.
Морозъ, Григорій Ефимовичъ, кр. Екаторининской волости.
Новиковъ, Василій Степановичъ, кр. Ординской волости.
Наливайковъ, Савва Кондратьевичъ, кр. Ординской волости.
Никитинъ, Иванъ Степановичъ, кр. Бурлинской волости.
Никитинъ, Андрей Семеновичъ, кр. Котковской волости.
Неребенковъ, Василій Захаровичъ, кр. Карасукской волости.
Недзворновъ, Калстратъ Семеновичъ, кр. Ярковской волости.
Носковъ, Фома Петровичъ, кр. Карасукской волости.
Новокрещеновъ, Федоръ Петровичъ.
Носковъ, Иванъ Егоровичъ, мѣщ. гор. Барнаула.
Опошниковъ, Егоръ Федоровичъ, мѣщ. гор. Барнаула.
Обломовъ, Николай Андрѣевичъ, мѣщ. гор. Барнаула.
Охотковъ, Семенъ Ивановичъ, мѣщ. города Барнаула.
Окуловъ, Иванъ Алексѣевичъ, кр. Бородинской волости.
Осиповъ, Иванъ Козмичъ, кр. Покровской волости.
Остаховъ, Александръ Трифоновичъ, кр. Карасукской волости.
Ошкхитинъ, Кирилъ Аполитовичъ, кр. Ярковской волости.
Олешиковъ, Трофимъ Ивановичъ, кр. Нижне-Каргатской волости.
Олейниковъ, Артемій Фомичъ, кр. Ординской волости.
Оседищевъ, Владимиръ Евсѣевичъ, кр. Ординской волости.
Никитасовъ, Андрей Федоровичъ, кр. Чиниской волости.
Поповъ, Яковъ Михайловичъ, кр. Ординской волости.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Вице-Губернаторъ Бирюковъ.

Помощ. дѣлопр. Н. Гусельниковъ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ

Перепечатываемъ изъ «Новаго Вѣмени» прекрасную статью Смирновъ подъ отглавленіемъ «Освободительное движеніе».

Къ началу декабря освободительное движеніе достигло у насъ послѣдняго развитія. Русе освободили, по-прежнему, отъ сѣ богатствъ отъ того небольшого числа народныхъ общинъ, который еще сохранился у насъ по разорительной войнѣ. Есе освободили отъ ижеколыхъ, отъ помѣщичьихъ усадѣ обращенныхъ въ оузы и лѣсныя, отъ мѣсто фабрикъ и заводовъ, разоренныхъ, бастовками надъ заключенныхъ по недостатку сырого матеріала и угли, который забастовщики дороги перестали посылать. Въ дѣлающемъ будущемъ еи грозитъ еще массе закрытыхъ заводовъ, не выдержавшихъ угла, наисеяннаго имъ стѣнками. Есе освободили отъ черноморскихъ и балтійскихъ портовъ гдѣ хохляцкая социальность и стѣпаченныя митинги, притомъ такъ мудро, что оставили пародическое сообщеніе Вирочемъ его вѣломъ въ нѣхъ программѣ, оны такъ и объявили своихъ манифестовъ: «Присоединяйтесь къ намъ, оставшимъ проиндустрію, оставши торговую жизнь, оставшимъ сообщеніе всей страны...» Оны освободили универсіты отъ студентовъ, гимназіи отъ гимназистовъ, фабрики отъ рабочихъ. Одиныхъ сѣ вомъ, въ декабрь въ Россіи были свободны Рабочіе нѣмъ марсельскіе, дѣти не ходили школу, почтаюныя не носили шесемъ, мѣнше въ войнѣ побѣдѣтъ—и всѣ ходили митинги.

Печать объявляетъ, что это именнѣ и е освободительное движеніе. Статьи писали какъ докторскіе рецензенты, нѣтъ по одному разиу, и начинались обыкновенно такъ: «Гучая волна освободительнаго движенія уже маетъ все выше и выше...» какъ: «Вос народнаго негодоявія высоко подняли громады въ своемъ величій неумолимый гнѣвъ народъ проуснуся».

Поднимались все выше и выше, эти во достаткѣмъ нахлестѣ до манифеста о то что надо свернуть правительство. Публика ждала, что будетъ дальше. Новое правленіе стало бѣло уже составлено, заключая въ себѣ все лучшее чаетъ общества до еврейскіа буда вѣдительною. Но старое правленіе стало вѣрять арестовано поворѣ.

Въ Петербургѣ волны освободительнаго движенія послѣ этого выше уже не поднялись, но остальные Россіи, отбѣзанныя и него забастовками, продолжала по нерединаться по тому же направиленію.

Когда въ Петербургѣ арестовали Хрумова-Носарева, это такъ, всѣхъ оцѣлоны точно произошло то что послѣдующее. Вѣ чѣстнѣе было такое, кочно крошечныя кину вѣрнуть на королевское тигра. Тѣтъ по крѣпкой мѣрѣ посматривала на это наша передовая печать. Она была порывае дерзостью и вѣдательна. Послѣдствіе въ крѣпости преданіе стѣнны и забастовки. Перваго верховнаго разирушителя Россіи, ея промышленнаго торговца и финансера, главу верховнаго вѣтъ, наисахну въ задуманнаго имъ, но не вѣданаго до конца, переворота! Допуститъ оны гласно и открыто, на глазахъ у всѣхъ гвардейскихъ полковъ и современной артиріи, сдѣлать въ этому всѣхъ притоговае собраться и сплотиться свои армію—и адресъ въ послѣднюю минуту, когда оны уже охотѣ свернуть правительство, отвѣтитъ подлѣ ковшомъ въ торѣ! Таково вѣбровъ ста революціи отъ графа. Вѣте не ждала Она прямо созла его кѣмъинникомъ. До тѣ порѣ оны была вѣрнѣе, что оны мѣшала не будетъ. Когда она признала, кѣ воеженному воестанію, оны объявила борѣтъ съ ней только правительствомъ мірами. признала арестъ своего главаря правственнаго вѣбровъ революціи никакъ не могла. Е было нарушеніемъ того молчаливаго договора который былъ заключенъ между нею и міромъ,—договора по которому законы отменялись, но и не исполнялись на то основаніи, что прѣжніе законы, какъ вѣдны до конституціи, были уже не годны. нонать до Государственной Думы наизам неся.

Къ изъ этого вышло, мы теперь знаемъ Исполнительная власть осталась, но не какъ исполнять еи было поучею, никакъ законовъ въ Россійской Имперіи не оны лось, она растерявшись стала, какъ и порченны механизмъ, вертѣтъ колеса.

водуку, в глубинах металла была ды-
мута, а колеса всё перелились. Губернаторы
из провинции и министры в Петербурге не
спешаго вразоброт, — ошуща, — тоно
пошмать спускался по эвентис. В одной
губернии объявила услаужую охрану, в
другой просила бунтовщиков выйти, охрану
на себя и выдала им все разовные выноски.
Не догадываясь только сдаться одного: вместе
ли манифестом о ятии свободной тоно
обозначать границы, перехода которые, сво-
боды одних лишь обращалась в писание
бодь другими. Но этих границ, проведенно
не было. И Россия сразу въ одну поч, пере-
шла от самодержавия въ ашария.

Это тоже освободительное движение, потому что вся прогрессивная Россия признавала, что Польша идет по главному его, что она борется не только за свою, но и за нашу свободу. Она так за нас борется, что изъ Холмской Руси 10 ударов плетью отчаянную мольбу: „спасите и помогите!“ За гробы аллодисментов, которыми вистригла Москва на земском съезде польских панов, платять теперь пиками и шлонами нашимъ въ Польшу. Это — свобода номер второй.

Мы по делам поднимать лишние были права передкижки, заключенные в черту оседлости волею стачечных комитетов. Мы были прикованы к месту жительства или к случайному месту, где захватывал нас приказ о заострении. Захватывали в свои руки пути сообщения и закрывали их для публики, напав освобожденный державил на осадь вое России. Они обратились в ель смиренный дом, в котором за каждую провинность правительства наказывали весь народ. За то, что Польша была предана своим генералам-уеверником, тудекого мужика.

Мы дошли до прославления поэта, до восхождения перед московским победителем. «Пусть безумство, но в нем такая сила, такой героизм! Пусть поражение, но в нем такое величие!» говорит г. Струве о бойне в Москве. Конечно, если бы это была опера или роман, можно бы восхититься. Но ведь тут посылал на убой обмундированных рабочих; ведь на баррикадах дрались русские рабочие и студенты с русскими солдатами. И ведь ужас этого не мнимый г. Струве любоваться на такую мощь освободительного порыва. Он говорит, что предаваться унынию и отчаянию лишь на основании их права. «Враг победил, а мы отразили seine победой. Со всеми сво-

Они догадываются, наконец, до того, что стали клеветить людей, клеветить не на слова, а на самые настоящие образцы, прилагая к каждому на живое тело. Это делается по их приговорах надъ ворами и хулиганами. Какъ посмотрѣть на это возвраще- нье къ временамъ Виропа и Аппи Юановны? Всегда же этимъ надо ждать вырваннаго языка и вырваннаго позвонка.

И это называется освобожденнымъ движеніемъ! И мы раба провозглашаемъ передъ

имъ, не замѣчая, что оно напечатано на бумаге, а не на пергаменте. Мы все еще живемъ въ томъ, что оно вѣстие намъ свободу.

Самымъ сильнымъ и могущественнымъ союзникомъ его является печать. Наша русская, т. е. еврейская печать, почти вся на его стороне. Евреи ему сочувствуютъ, потому что знаютъ, что оно дастъ имъ равновѣсие. Была бы ихъ коалиция революціи, они рѣшили, что будетъ одно изъ двухъ: или они получатъ равноправіе или Россія будетъ разорена и обезвѣдена. И въ томъ и другомъ случаѣ они будутъ удовлетворены.

Что газеты, которыя давно или тайно издаются на ихъ дѣлахъ, считаютъ ихъ интересомъ—это понятно. Но что есть добровольцы, которые считаютъ имъ безразличнымъ, что въ нихъ свобода или нѣтъ, то есть торжественно по ушамъ, заставляя русскую публику снимать перчатки нѣмцы шапки, что разучившему красными лентами еврей въ еврейскій въ красныхъ флажкахъ вѣнчались, какъ напикъ освободителямъ—это надо признать, только наивное ханжество, которое было бы гораздо обиднее не только имъ, но и самимъ евреямъ, которые вѣнчались въ красныхъ лентахъ и вѣнчались въ красныхъ лентахъ. Они, какъ являлись или какъ дѣлались евреямъ своему царю, готовы были сказать ему: «Къ стопамъ царя, государя моего, солдата моего, бога моего, семь разъ, семь разъ и повергаюсь».

А что они писали въ еврейскій газетѣ? Они все въ нихъ кампанію противъ русскихъ финансовъ, стараются убить Европу, чтобы она не давала имъ денегъ. «Денги пропадутъ, народъ этого зѣбна не признаетъ». Они хотѣли этимъ разорить правительство, но разорили только себя. Они послали въ Финляндію, когда та отказалась отъ Россіи, и давали поить Польшу, что пора и ей послѣдовать этому примѣру. Имъ извѣстно русскому дѣлу признавать имъ какъ-то, что поднимать руку на польскій народъ? говорили они. Не Польша будетъ извѣнчиваться, если надуется подъ нимъ отложиться отъ Россіи, а будетъ извѣнчиваться Россія, если захочетъ покинуть этого. Это еврейскій польскій вѣдѣль на измѣну проводился очень дружно и съ большимъ аллобомъ. Наши молчали или подкапывали, потому что когда баринъ говоритъ—возражать нельзя. А баринъ сказалъ, что это освободительное движенье, и кто станетъ противъ этого сказать, того хулятъ и чортостенятъ. Кто за Россію—того чортостенятъ, кто противъ Россіи—того принадлежатъ къ лучшей, благороднѣйшей части общества.

Всему, конечно, хотѣлось принадлежать къ лучшей части общества, и наши земцы верные подли примѣры: они на московскомъ съѣздѣ присягнули Польшу. Обидали ей даже провести новыя границы, размежеваться съ ней, какъ съ иностранной державой. Что они рѣшили ей отдать, какія наши губерніи—они пока не говорятъ, мы обѣ этомъ узнаемъ въ Государственной Думѣ.

Трескучія фразы въ союзѣ не уступали такой же крикливой шумихѣ въ газетахъ. «Прекрасно и грозно, лишь надвигавшейся русской революціи», писали наши освободители, а сами однимъ словомъ кончили на войну. Отношеніе нашего освободительнаго движенья къ арміи очень интересно. Сначала нѣтъ немъ вѣстическимъ глумились. Солдаты называли башки-бузками. О казакѣхъ и говорили нечего—о тѣхъ прямо писали, что имъ надобно по рюмѣмъ водки за каждую убитую мадеина. Дошли до того, что стали обвинять офицеровъ въ грабѣжѣ явномъ. Сейчас же напавъ, доверенные жескостями, когда сами видѣли, какъ они уничили, когда полой награбленное. Когда офицеры являлись въ редакцію требовать къ отцу клеветниковъ, то выдавать ударъ за границу или посылать къ губернатору просить военной охраны.

Потомъ вдругъ эти тактика переименилась. Простая сажа, что въ войскахъ растетъ недовольство. Освободители воспѣвали этимъ воспользоваться. Началось заигрываніе съ арміей. Ее стали убаюкивать, что она несправедливо обижена, что для ея благополучія нужна «всеобщая, равная, прямая», тайная, что солдатымъ надо ходить на митинги, не отдавать мести офицерамъ и носить платокъ платке. Поспѣли письма въ редакцію съ разныхъ бомбардировъ и ссадуговъ, которыхъ въ синагогахъ казачій войскъ потому не напалъ, что всевозможныя военныя часты и гарнизоны, причемъ извѣстные писали языкомъ «Сына Отечества»: «мы, свободные граждане, поддерживаемъ

борьбѣмъ народъ» и требовали амнистіи всѣмъ потерпѣвшимъ за политическія убѣждения.

Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ выпущены матросскіе и солдатскіе бунты. Пролетарскія печати ликовали. «Теперь армія безспорно отпала отъ самодержавія», объявила она. «Казармы становятся очагомъ революціи». Митинги дѣйствительно пробирались въ казармы. Товарищи стали просвѣщать солдатъ. Въ Киевъ хотѣли послать саперовъ на телеграфъ, чтобы замѣнить забастовщиковъ. «Всѣмъ батальономъ, какъ одинъ человекъ, отказался отъ полевой роли», сообщила печать съ торжествомъ. Для рабочихъ требовали 8 часового дня, для солдатъ потребовали уже четырехъ часового: чтобы строили и дѣла заплата продолжались не больше 4 часовъ въ день».

Этотъ медовый мѣсяцъ революціи продолжался до самого московскаго мѣтежа. Извѣстия приходили для насъ самая радостная. Духъ революціонерства поднимался. «Армія должна быть наша», писали они. «Мы не позволимъ ее провозгласить, мы не позволимъ натравливать ее на рабочий народъ».

Однако, солдатскіе бунты такъ же скоро затихли, какъ и вспыхнули. Провела съ товарищами дѣлать-другой-третій: шиканье чины арміи и флота начальныя отношенія къ нимъ, подорвало и выразило желаніе, чтобы всеобщее убранство въ казармы. Какъ водные ни старались, такъ хорошо платили дѣло дальше что-то не клеилось. Это трепанье въ дружбѣ товарищеской проявилось въ солдатскій бунтъ. Товарищи писали въ нихъ: «удручительное собраніе, амнистію потерпѣвшимъ за политическія убѣждения», а солдаты требовали дѣл парашютовъ, теплыхъ куртокъ, на ученье пиши по 15 коп., да изъясно саютъ 13 руб. деньгами. Выходила кака-то курьера. Въ одномъ пунктѣ требовали свободнаго посѣщенія митинговъ, въ другомъ возвращенія всѣхъ товарищеской, отпавшихъ на усмиренье братьевъ-крестьянъ, и тутъ же идущимъ табуретки къ кроватямъ, подкупа на перьяхъ, 3 фунта сахару... У солдатъ были свои опредѣленные желанія, и теплыми куртками да сапоги интересовавъ его гораздо больше, чѣмъ какое-то постраданіе борта. А если еще эти борцы были похожи на товарищеской, которыхъ онъ въ тѣлескопъ дѣл успѣлъ насладиться, то изъясно дружки къ нимъ у него лично озабоченіе. На московскій барикада товарищи узнали, чѣмъ эта дружка можетъ для нихъ кончиться.

Еще въ Севастополѣ въ душѣ ихъ закралась сомнѣнія. Солдаты якобы присоединяются къ нимъ. Брестскій полкъ прятался отъ нихъ по казармамъ, а пѣкаторе даже «вели хулиганскую агитацію». Хулиганской агитаціей называлась вѣрность долгу и присягѣ и угрозы создать выроститъ товарищеской изъ казармъ. Отъ присяги солдаты освободили на митингахъ, предложивъ имъ новую присягу, безъ поповъ. Не помню ужъ, въ какомъ именно городѣ, въ Саратовѣ или въ Питерѣ, когда солдатымъ надобно горѣть и носить пиши, выборный позволялъ въ унтер-офицеровъ приводить ихъ къ присягѣ по новому образцу: «съ за одного и одинъ за всѣхъ». Въ Брестскѣмъ полкомъ это не удалось: солдаты пошло удралъ отъ своихъ освободителей. Не многимъ лучше были дѣла товарищеской и у матросовъ. И тутъ они съ грустью замѣтили, что эти дружки имъ не надежны. «Все время приходилось имѣть дѣло съ провокатерскими выходками противъ явномъ, женителю, волнѣхъ, красныхъ лампъ и т. п.» Небольшое сдѣлѣе имѣть въ казармахъ, освѣщеніи правительственными войсками, не особенно воодушевляло матросовъ присутствіемъ товарищеской, и казармы были заняты почти бѣломъ кровопролитіи. Товарищи кричали о вооруженномъ сопротивленіи только на митингахъ, но въ бою они были что-то очень скромны. При этомъ они совсѣмъ не знали русскаго солдата, какъ не знали и русскаго народа. Они выжили красныя флажки на «Наводномъ» и только потомъ спохватились, какую сдѣлали при этомъ ошлобность. Матросы обратились за Андреевскій флагъ, который оказался ниже социалъ-демократическаго знамени. Пришло красныя доскутокъ убраться, и разочарованные товарищи уехали его обратно въ экипажъ.

Хотя они и угадали на крестьянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, что раздала тайну русскаго народа, его души, его мысли, но это было жестоко заблужденіе. Народъ вовсе не такъ простъ, какъ они думаютъ. У него за плечами дѣла тысячелѣтняя исторія, и

тайну его души надо искать въ прошломъ. Его скорѣе можно найти въ древнихъ былинахъ, чѣмъ въ изданіяхъ «Наставъ» и «Буревѣстника». У народа есть свой откликъ, о которомъ еще въ былинахъ говорится: «Онъ и крестъ кладетъ да по писанному, онъ пошло ведетъ да по ученому».

Вотъ этого наші освободители не знаютъ и за это послѣ мѣсяца успѣха всегда распадаются потомъ пораженіемъ.

Потерявъ надежду на армію, освободительное движенье загорѣлось опять прежнимъ языкомъ. Опытъ солдаты стали башкибузками, газеты писали съ ироніей о браныхъ войскахъ, извѣщающихъ мирныхъ гражданъ, а правительству объявили, что его дѣло безнадёжно проиграно, у него нѣтъ больше союзниковъ. «Осталась армія. Но одной арміи мало... На пятахъ сидѣть нельзя». До московскія бѣги революціи этого не говорили. Она находила, что если нельзя сидѣть на пятахъ, то опираться на нихъ можно, и вообще возлагала на нихъ большія упованія. Она хотѣла на пятахъ подвести Россію къ свободѣ. Но когда это не удалось, она стала возмущаться, какъ можно вообще пользоваться пятами. «Да оставьте же ее, вѣдь вы разстрѣляете сердце Россіи!» заявила она къ правительству. Она уже не говорила: «Армія должна быть наша, мы не позволимъ ее провозгласить, мы не позволимъ натравливать», а говорила: «Остановитесь! Прекратите самовоспребленіе, выкиньте большіе флаги и попробуйте стокоуныи, чего хотите вы и что мы можемъ дать». Такъ, по ихъ мнѣнію, должно быть говорить адмиралу Дубасову на барикадахъ съ революціонерами, когда имъ не удалось его арестовать и предать смертной казни. Ему садовому пригласить ихъ къ себѣ и за чайкомъ какъ поговорить съ ними о томъ, что собственно они хотѣли. Можете быть, они хотѣли только, чтобы онъ уступилъ имъ свое мѣсто; но вѣдь князь Оболенскій въ Финляндіи именно такъ и дѣлалъ—онъ совсѣмъ же далъ себе арестовать и приставить къ дѣлу его почетный караулъ, а потомъ, когда онъ далъ поплакать, что за себя и за Россію отказывается отъ всѣхъ правъ на Финляндію, его выпустили, и онъ уѣхалъ домой. Почему же не поступать такъ адмиралъ Дубасовъ? Тогда не было бы разгрома Москвы, фабрика Шнитца была бы цѣла, а стѣнные компетъ мирно управляли бы городомъ.

Остановитесь! Ни шагу дальше! Не идите даже въ мысляхъ за этой политической агитацией! приказываетъ революція. Политикой нипута она называетъ нѣмъ. Семеновскаго полка и усмиренье мѣтежа военной силой. А писатель Чирковъ сказалъ, что никакого востанія въ Москвѣ не было, а было лишь вооруженная самозащита. «Мѣстная администрація, провоцируя событія, искусственно вызвала самозащиту населенія». Очевидно, адмиралъ Дубасовъ самъ потихоньку ночью строилъ барикады, а потомъ приказалъ: «Катай!» и разстрѣлывалъ Москву изъ пушекъ.

Но если не было востанія, то нельзя и карать за него. Именно это и говоритъ теперь прогрессивная печать. Она предупреждаетъ, что правительствѣ уметь руки въ погромъ Москвы, свалить всю вину на революціонеровъ, и будетъ судить ихъ, какъ мы можемъ. Это нельзя допустить, говорятъ она.—Имъ должна быть возвращена свобода».

Потому да себя освободители требуютъ полной свободы и прислаивали въ газетѣхъ пѣломъ, разныхъ извѣстій и злодѣйствъ губернаторовъ, предлагая протестовать, записывать ихъ имена, или грозить грозной расправой чортостенцамъ, которыхъ надо безнадѣжно арестовать. Если чортостенцы, т. е. политическіе провинники выпускаютъ свои познания, то освободители сейчасъ же обрабатываютъ на это вниманіе кою сдѣлать? Ихъ газеты тогда кричатъ карать, доносить на чуживую провинцію, требуютъ чтобы провинциалы были немедленно арестованы и казнены. Послѣдствія «Московскій Видомостей» къ православному народу они обратились къ прокурору и требовали угознаго преслѣдованія за возбужденіе одного класса населенія противъ другого.

Буйствовать крестьянъ противъ помещиковъ, рабочихъ противъ фабрикантовъ, школьникъ противъ учителей—это называется освободительнымъ движеньемъ, но буйствовать противъ бунтовщиковъ—это провокація. И этотъ компаръ-пѣлый гудъ дунуть вѣсъ, до сихъ поръ мы еще не можемъ страшить его. Прикрываясь именемъ свободы, насильники воили къ намъ и стали вѣзисто распространяться. Они все обурлажи, все озадали и

приказали намъ называть ихъ освободителями. Захватывая въ свои руки печать, о сдѣланы имъ неслѣдственно дѣла и казеты.

Они клеветали на всѣхъ, кто не апсался въ ихъ сомы, чтобы участвовать въ дѣлѣхъ Россіи, и не принапалъ ихъ верхомъ власти: клеветали съ упоеніемъ, съ отвѣтъмъ, которыми печено горѣть. Они старались распространять съ молотка Россію, угадыва, что народъ жаждетъ сдѣлать ее по дешевой цѣнѣ инородцамъ, готовъ даже отдать даромъ, что бы видѣть въ хорошихъ рукахъ. Они приказали нашей молодежи не заниматься болѣе науками, а служить освободительному движенью, т. е. еврейскій распадъ Русской Имперіи, угадыва, что это самое пѣлій долгъ русскаго студента. Кто сѣмъ не соглашается, того они называютъ именовъ, истинно русскаго чортостенца, чѣмъ у нихъ считается самымъ страшнымъ браннымъ словомъ, какъ у якутовъ слово: «Я»! стана изъ-подъ камня Ледовитаго моря. Быть истинно польскимъ, или еврейскимъ финансомъ патриотомъ—это почетно, объявлено говорить съ гордостью: быть русскимъ патриотомъ—это пошлѣе.

Мы сами такъ ошлѣужены, что родились русскими, такъ извѣнчиваемъ въ этомъ инородцами, объявивъ отъ этого исправленіе, что они смотрятъ на насъ, какъ на извѣстную расу, какъ на рабочихъ, которыхъ они прииде освободить. И надо сказать правду, что это насущно. Мы отдали въ поруганъ всѣхъ, кто сажалъ Россію, начиная съ Бриксона изъ Финляндіи и кончая послѣднимъ радикомъ, который записываетъ насъ отъ насильниковъ. Въ печати ихъ публикешельмъ, а мы стѣпимъ еще ругнуть изъ отъ себя, чтобы показатъ, какіе мы передъ всѣмъ люди. Если мы сами не угадаемъ себя такъ печено дѣлать, что насъ будутъ угадывать другіе.

Но отрешеніе уже наступитъ. Уже пробуждается сознаніе, что униженіемъ Россіи національнаго чувства сажать не освободитъ, а только новому порабощенію ее. И не съ боями, не съ расправой хоругви, насильно можно спасти ее. Не съ этой хоругви, символомъ раздора и междоусобицы, начнется она свою новую жизнь, поведетъ свой народъ къ свѣту, свободѣ и культурѣ. Она устала отъ разрушенія и жаждетъ мира, чтобы вернуться къ трудовой жизни.

С. Смирнова.

Редакторъ неофициальной части,

Пав. Виноградовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Правленіе Общественнаго Сибирскаго Банка въ Томскѣ объявляетъ, что по учету векселей съ 14 сего января Банкъ выдаетъ:

на сроки до 3 мѣсяцевъ	имѣетъ 7 — 7½%
" " " " " "	" " " " " "
" " " " " "	" " " " " "
" " " " " "	" " " " " "
" " " " " "	" " " " " "
" " " " " "	" " " " " "

По ссудамъ и по спеціальнымъ текущимъ ссудамъ похъ 8% бумажъ съ 1 февраля с. г. имѣетъ 6½ — 7½%. Не выданы срочнымъ съ 20 февраля с. г. платитъ 5%, на сроки отъ 2 до 4 лѣтъ включит. и 5½% на сроки отъ 5 лѣтъ и болѣе.

Утеряна имянная квитанція Томскаго Губернскаго Ломбарда отъ 27 октября 1905 г. за № 64365-мъ на имя Георгія Ильина Лапунова, на залогъ швейной ручной машинки Зиглеръ, каковую и прошу считать недействительной.

Перепечатанную статью Смирновой «Освободительное движенье» изъ 7 № Томск. Губ. Вѣд. въ количествѣ трехъ экземпляровъ. Кроме того, листки Союза 17 октября: 1) Что такое автономія. 2) Томскій отдѣлъ союза 17 октября проситъ раздѣлъ образованнымъ лицамъ.